

Аслан ЖАКСЫЛЫКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Роман

Продолжение. Начало в № 12, 2023.

Ваятель

Что-то случилось с временем, и оно перепархивало куропаткой по прихоти чьего-то сна, и не было никакой возможности узнать – чьего же именно? Время стало чьим-то смертельным дыханием, поэтому огромные армии неспешно разворачивались корпус за корпусом в предгорьях Лу Тау, готовясь к смертельной схватке, к многодневной рубке, в итоге которой должно полечь костями множество юношей кокборе, борисаров, кургуров и утургуров, зигитов¹, в чьих глазах светилось солнце молодости, а звезда любви еще даже не восходила, поэтому ты торопился, днем и ночью трудился над сферой. Этот мир никогда нельзя было понять, его алые восходы и закаты приводили в отчаяние, а падение лепестков вишни с цветущих веток на траву забвения обрекало на бессонницу, поэтому ты спешил, рубил-тесал бока глыбы, шлифовал камень, проливая кровь и пот, обагрняя гранит сукровицей со вздутых ладоней. Время сворачивалось желтым лепестком шафрана, и с этим ничего нельзя было поделаться, в глазах стояли слезы, тление углубляло каждую морщину, иссекая твоё лицо с мастерством бесподобного ваятеля – самой смерти. И с этим ваятелем нельзя было сравниться, потому что невозможно пробудиться в упоении смертельного сна. Ты не помнил своего прошлого. Лишь отдельные воспоминания бредом проносились порой в сознании, и в этих невероятных видениях сотни лет обретался ты то ли призраком, то ли младенцем, припавшим к сосцам волчицы, упивающимся горьким-прегорьким млеком полынной, тонко-тонко скулящей матери, а рядом с тобой копошились еще два волчонка с лицами печальных старцев. А потом был баркас – ковчег перевернутый, плывущий через вечность, и вы были стаей несметной моли, копошащейся в ворохах то ли одежды старцев, то ли их смертного праха и тлена. А потом было некое *слово*: ковчег пристал к берегу очередного безумного сна, и вы восстали из тлена и побрели вниз по склонам Волчьих гор вслед за ревушим джунагром. Эти видения были слишком сложны, чтобы можно было в них поверить, но верит же множество, что «в начале было Слово...», и живут же почти все люди без памяти о предыдущем.

Когда оказался в этом городе, ты уже был глубоким старцем, – скорее тенью, а не человеком. Ты был безымянным, без родства и жилища, тебя скорее можно было бы назвать аруахом, сброшенным со склонов Большого утеса и ожившим для священной мести. Быть может, поэтому тронутые лицезрением живых мощей, похожих на мумии, отбывших в вечность великих вождей кургуры, помнящие еще прошлое, приняли тебя в своем квартале и построили для тебя подобие жилища из дерева и тростника. И ты жил не тужил, скорее, жила твоя тень, а ты покорно следовал ее прихотям. Беспеч-

¹ Зигит – использован сингармонизм монгольского и тибетского языков.

ные кургуры, хотя и проявили заботу о старце, всё же были рассеяны – они не придали значения тому, что в центре твоей лачуги осталась не убранной гранитная глыба величиной с джунагра. Но ты был рад – нашлось дело для твоих рук, и вскоре в твоём доме закипела работа по высвобождению формы из каменного плена. Поскольку в твоём смутном сознании перемешались города и годы, а время свернулось тонким-тонким волчьим скулежом, ты решил, что всегда жил-пребывал на этом месте, а потом только устроился-вырос город вокруг стен твоего дома, размножились люди и, тронутые упорством твоего труда над малой сферой, принялись за создание исполина в центре столицы. Ты обтесывал, шлифовал гранит и был вполне обременен вечностью, и нисколько не обращал внимания на то, что некая девушка с черными-пречерными, поистине кургурскими очами приносит раз в день кусок лепешки и чашку чая с мукой и кусочком жира. Так было заведено даже у степной волчицы, что и говорить о людях? Всё же, тронутый заботой кургуров, ты порой дарил им свои поделки – глиняные фигурки воинов, причудливых куколок, вырезанных из корневищ. Этот мир был полным безумием, а как же иначе? Стали бы тысячи людей собираться в тумены, вооруженные до зубов, и идти убивать друг друга ради сомнительной славы того или иного избранника духов? А ведь судьбой было предназначено кочевать свободно по степи и наслаждаться вольным воздухом, мясом и молоком диких и прирученных тарпанов, жить в шатрах и любоваться танцем чернооких дев? Убивать даже не ради вещей, имеющих суть, а ради слов, которыми описывают славу, величие, власть и положение. Воистину люди, идущие убивать себе подобных, ради слов, во имя права гордо произносить некие слова: *трон, кахан, власть, подданные, светлое будущее* – умалишенные или того хуже. Еще хуже те, кто принудил этих прекрасных телом юношей взять оружие, строиться в воинские колонны и идти против врага, то есть себе подобных. Тебе нравились кургуры и утургуры – широкоплечие, тонкие в талии, длинноногие мужи, дочерна смуглые, почти чернокожие. Их раскосые, миндалевидные глаза полны света, в них искрится доверчивость. Преступлением было превращать их в рабов, загоняя кнутами в котлованы рудников и каменоломен. Гноить их в сырых бараках, за считанные годы доводя их до состояния ходячих скелетов. Чтобы хотя бы на иллюзорное время вернуть им их славное прошлое, ты создавал фигуры кургурских воинов в полном снаряжении на боевых конях. Эти глиняные воины держали в руках то лук, то копье, то чекан, то арбалет, то кривой меч, и всегда они изображались в атакующей позе. С годами твое искусство изощрялось, и статуэтки становились всё более выразительными и рельефными. Поскольку гибкая, тонкая в талии кургурская девушка приносила тебе еду, иногда ты лепил фигурки и девушек, но всегда – танцующих. Эти фигурки ты обжигал на огне в печи и потом тщательно раскрашивал. Статуэтки эти запоминались: в полуобороте, со вскинутыми руками, горделиво запрокинутой головой, с приподнятой ногой, обрамленной тканью, – движение танцовщиц словно было поймано в моменте вдохновенного порыва. Ты дарил эти фигурки туземкам и нисколько не удивлялся тому, что в городе с каждым годом становилось всё больше танцовщиц. Со временем ты стал очень уважаем у кургуров и утургуров, и жизнь твоя наладилась, в ней появился оттенок смысла, хотя в глубине души всё равно ты считал сей мир полным безумием или сновидением того, кто заблудился в мирах.

Однажды ты заметил Апке. Тебя поразила внешность этой горделивой дамы, словно явившейся на грешную землю с другой планеты. Всё же ты про-

крался в парк Малого дворца и долго наблюдал за Апке, пытаясь проникнуть в душу этой повелительницы. Именно в эти минуты открылась тебе пронзительная красота увядания времени в падающем лепестке вишни. Укрывшись в кустарнике, ты внимательно наблюдал за Апке, и однажды увидел, как кувывается белый, траурный лепесток в глазах женщины и исчезает в сумерках души. И как-то раз, тронутый этой картиной, ты сказал самому себе: «Воистину осыпание лепестков в душе *видящего* – это смерть времени и рождение вечности». И устыдился этих слов, ибо то было очередным проявлением безумия этого мира. А разве не так – бредовый, древний старик, не помнящий ни родства, ни прошлого, таится в кустах, как ночной вор, и созерцает нечто в глазах молодой женщины. Но ведь стыд – это голос живой жизни. И это говорит об истинности происходящего.

Ты открывал для себя душу Апке – следуя за ней как тень, ты проникал в самые отдаленные уголки всех четырех парков, наблюдая за ней, ты читал ее мысли. Воистину она была вдохновительницей и творцом этого мира, следовательно, разлитое по нему безумие было бредом, годами кипящим на ее устах. Разве это не так? Этот каменный город, особенно четыре великолепных дворца и парки вокруг них, и, конечно, большой Банзай своей грандиозной композицией являли некое начертание, задуманное и осуществленное ею, очевидно, символическое. И тебе нужно было понять, что происходит в душе *повелительницы теней*. И однажды ты создал ее облик: в эти дни в твоей душе пела тибетская флейта, шли светлые муссонные дожди, порхали бабочки-махаоны, расцветали и опадали вишни. Ты работал в темном иступлении, мял белую глину, добытую на дне тайной ямы, закрыв глаза, отглаживал линии, освобождал от лишнего материала совершенное тело, прочерчивал щепкой складки тончайшего платья и трепетом пальцев намечал воздушное колыхание ткани. Мучительной и всё же вдохновенной была работа над лицом статуэтки. Надо было поймать и передать на глине то самое выражение на лице Апке, которое светилось в ее глазах, когда она любовалась цветущими вишнями. И когда трехдневная работа была завершена, ты взял фигурку, подставил ее лучу солнца, падающему в проем окна, и затаил дыхание. Да, это было именно то, что нужно. Осталось только обжечь фигуру и раскрасить ее. Искусство обжига фарфора – это секрет мастера, который не доверит он ни бумаге, ни слуху постороннего человека. Для обжига фарфоровой статуэтки тебе пришлось построить специальную печь и сделать особые воздушные меха для нее. Для изготовления красок пришлось искать по всему городу лепестки шафрана, череды, гвоздики, хризантемы. И эти цветы нашлись на клумбах в парке Малого дворца. А когда обожженная и раскрашенная статуэтка Апке была готова, ты поставил ее под склонами сферы. И ты смотрел и смотрел, созерцал часами, пока не понял, что происходит. Ты услышал таинственный шепот, ниспадающий лепестком вишни, который кружил и таял в очах зачарованной женщины. И с тех пор ты всегда слышал шепот камня, и всё пространней становилось твое понимание. А однажды сама Апке появилась под склонами большого храма и совершила первое обхождение по кругу. А кургуры и утургуры спустились с лесов и танцевали под склонами исполина.

Быть может, во всем городе, или даже во всей стране, ты был единственным человеком, который понимал то, чего еще не понимала даже сама Апке, – что ждало ее в будущем. И ты с еще большим рвением принялся доводить форму задуманного. Эта Сфера должна стать точкой в конце повествования, и фигурально, и буквально. Но возможно ли это?

По вечерам прилетала серая неясность, садилась на жердь, торчащую из кровли, и находила тебя мрачным, насупленным взглядом. И когда ночная сова садилась на кровлю твоего жилища и открывала глазищи, кишащие звездами не этого мира, твоя душа устремлялась в бег утраченный, коянский. В поисках то ли пещерки на склонах старого оврага, то ли дупла на боку древнего джубаба, охающего и ахающего от ужасов саванны гиенодонов, летела она опрометью, однако не могла убежать от теней этого мира. Не было ничего страшней этого черного, кипящего тьмой взгляда, бездонного, словно пещера, будто Тьмутаракань окающая. Словно туннель, гулкий, долгий, червоточина между мирами, осыпающая тело и душу атомами небытия, этот взгляд гнал тебя по лабиринтам затхлого и тленного сознания, вытербленного то ли демонами, то ли муравьями и термитами на краю волчьего поля. Ты лежал на циновке, тростниковая кровля дома простиралась над тобой косматым навесом, моталась туда и сюда под ветром, словно вихры и косы бегущих кукурузных мальчиков и девочек. Горький полынный ветер, заплутавший в поисках матери-волчицы, дул в отверстия срезы тростников и камыша, и темная, пещерная мелодия надтреснутых голосов вилась над тобой, стенала, истончалась, звенела малиновой нитью, затем вдруг вновь наливалась силой горловой пения горного ущелья. И полностью затопленный звуками этой ужасной мелодии тростникового поля, срезанного кургурами и утургурами и уложенного в слои глины на кровле твоего дома, ты не знал, то ли проклинать тебе безывестных работников, то ли возносить молитвы за сию казнь. Словно выжженные пустынной скорбью глаза неясности обременяют душу неизмеримой вечностью, но лучше это, чем тоска непроходимых черных зарослей, так и не ставших свирелями и флейтами. Жуткая песня каждый вечер клокочет и ревет в объятиях ветра над твоей головой, оживляя тени прошлого, но лучше это, чем упорное нечеловеческое молчание черных тростников волчьего поля, чье заклятое стояние на одной ноге до скончания века – как укор любой живой душе. Странные люди: неуловимое слово, уносимое каждое мгновение дыханием брэнного воздуха, ценят они выше, чем трепет крыльев бабочки-однодневки, живущей в божьих лучах меньше, чем цветы. И ради этих слов они посылают на заклятие несметное множество юношей, прекрасных телом, чья кожа – словно темная медь, самая лучшая, чьи глаза – словно спелые сливы из сада Апке, орошенные росой свежей. И ты скорбел, предвидя неизбежное, ибо возлюбил всем сердцем народ кургурский и утургурский, простой, немудрящий, ценящий превыше всего молоко кобылиц и кости аруахов, вознесенных высоко в горные расщелины. Ты давно понял их: они были как дети и не ведали, что находятся в начале бесконечного пути. Дни и ночи ты молил небо о спасении чад природы, избавлении от козней и хитростей демонов, явившихся с *того берега* страшного мира нелюдей. И куда только не заносил твои сны черный ветер отверстых тростников, поющих и плачущих всю ночь, выворачивающих душу горечью. И однажды тебе приснилось странное, будто ты был некогда, в другой жизни, на другой планете, кургузым стариком – кочевником по имени Онгарбай. Была у тебя круглолицая и мягко-жалостливая жена, сыновья и дочери, рядом с твоим жилищем, круглым и серым, словно яйцо журавля; паслись овечки, а там, дальше, за пеленой выжженных годов, паслись призрачные табуны небесных коней, принадлежавших когда-то твоему отцу, деду, но обращенных колдовством чужих в страшное слово – *канпеске*. Тем же самым колдовским словом разом были обращены в пустыни и руины, излюбленные совами и филинами, многолюдные долины и урочища, населенные кочевниками золо-

того века. Сами же люди превращены в странников-призраков, чьим уделом стал поиск земли обетованной, Жидели-Байсын, священной палестины, где жаворонки выют гнезда на спинах курчавых овечек, где изобилие трав, воды, млека и меда, где люди не лгут, а кукушкины слезы – всего лишь цветы. И в этом магическом сне ты томился, проливал слезы, простирал руки к незабвенным призракам, родичам твоим, проклинал те самые жуткие слова – *канпеске¹, колхоз, светлое будущее* – и другие слова из молитв и заклинаний большевиков, которыми за короткое время смогли они обратить в кладбища многолюдные ранее долины. На мгновение прихоть ветра вырывала тебя из этого бреда, и ты радовался, как ребенок, тому, что это всего лишь сон, но новый порыв пещерной ревущей силы – и ты опять скитался по лабиринтам прошлого в поисках потерянной памяти. А серая неясность сидела со скрещенными ножками, с ладонями в мудре бездонного молчания, и ее глазища были пучиной, где кишмя кишели жизни и смерти, однако всё же это было лучше, чем черное стояние несметного множества тростникового волчьего поля. Ты так думал, и твои сны повиновались неумолимому взгляду совы. В дебрях бесконечной ночи заплутала твоя душа, изнемогающая от снов, и под утро тебе приснился то ли сон призрака, то ли сон тебя самого, но другого, из иного мира.

И говорил, шептал прямо в душу сон тот странные слова, трогающие сердце. «Куда только не заводят человека пути и дороги жизни, может он обрататься на старости лет даже на другом континенте. Но однажды душа начинает слышать зов другого мира и видеть *проводника*, и тогда решает она в последний раз взглянуть на отчий дом, увидеть своды жилища, где в младенчестве была услышана колыбельная матери. И тогда направляет человек стопы свои на родину, чтобы поклониться праху отца и матери, родичей». И как только ты услышал этот шепот, дрогнула болевая струна под сердцем, и ты обратил взгляд на восток, в ту сторону, где был твой Отукен, где землю всё еще горчило от крови твоей пуповины. То ли примчал тебя ревущий джунагр, то ли прибрел ты на своих двоих через изнемогающую вечность, то ли привезла безвестная повозка – нельзя было это определить – но в итоге оказался ты на окраине своего аула.

Серый смутный вечер, уставший от историй этого мира, простирался над теньями аула, наверное, собирался совершить молитвенное коленопреклонение. Высокие травы, не тронутые ни косой, ни взглядом, ни даже дыханием животных, стояли темной запредельной стеной. В заштрихованном сумеречными теньями мире таилось странное ощущение – то ли смущение, то ли растерянность, то ли удивление. Еще бы, в кои веки блудный сын вернулся к порогу отчего дома, и хотя все ждали много лет, истомились изрядно ожиданием *откровения*, всё же некому было встретить его. И ты понимал это, ни на что не претендовал, не собирался обижаться, ибо понимал, что не те времена. Ведь в былые годы уже на окраине тебя встретила бы толпа обрадованных родичей, первыми бы примчались дети, и с криками: «Зюйнчи! Зюйнчи!»² умчались бы обратно. Ты бы шел неспешно, зная, что с каждым шагом всё ощутимей обретает силу древний ритуал гостеприимства, пусть ты и даже блудный сын. Спешили бы старики со всего аула, чтобы обнять

¹ Транслитерация в языке казахов начала 20 века, конфискация.

² Сюйнши – зюйнчи, использован сингармонизм монгольского и тибетского языков.

тебя, поцеловать твою ладонь, ибо свято целовать персти Странника, гостя – посланника Бога, но не венценосного кахана. Твои родители, взволнованные и счастливые, устраивались бы на торе, зная, что весь день будут наносить визиты, чтобы поздравить с обретением сына, чтобы сказать ритуальное «козайым болдыңыз ба?». А младшие родичи тем временем выбирали бы овечку упитаннее, чтобы приготовить славное угощение. Овечка не противилась бы судьбе, ибо дюже почетно то – быть принесенной в жертву во имя блага блудного сына, ибо означает сие вознесение души в рай кротких и невинных. И вот ты дома – спешат к тебе отец и мать... Может ли быть что-нибудь блаженней поцелуев матери и объятий отца, обретающих под кровом своим долгожданного блудного сына? И существуют ли более покойные сны для странника, чем первый сон под кровом отчего дома после возвращения из странствия? Так было некогда...

Но на этот раз под шепот серой неясити ты возвращался в аул родичей после *канпеске*.

Высокие, траурно черные травы говорили молчанием, думая свою темную запредельную думу. И было отчего. Таили они у корней выбеленные дождями и снегом кости, которых было множество. Не захоронены были те останки, хотя было поручено это дело за отсутствием могильщиков-людей волкам и волкопсам, лисам и шакалам. Те поначалу принялись было охотно, но потом устали, изнемогли, ибо было костей несметное множество, вся бескрайняя степь была усеяна ими. Поэтому поневоле травам, праху и тлену растительному пришлось укрывать первым пологом те бранные останки, шепча беспрестанно молитву забвения. Ты понимал и это, и никогда не явился бы в аул покойников, но ты уже слышал зов. Вот в чем было дело. Надо было превозмочь всё это и увидеть.

Вот ты и на окраине. Первый дом справа от въезда в аул был некогда жилищем тате – старшей сестры твоего отца. Бывало, по приезду ты всегда сначала заходил в этот дом, чтобы приветствовать тате, угоститься вкусным айраном и удостоиться поцелуя в лоб. Дом, вернее, его остатки, стояли на месте, почти до половины стен укрытые мрачными зарослями. Столь же нелюдимо, хотя несколько отрешенно темнели проемы на месте окон. Камышитовая кровля дома была цела, хотя заросла сверху высоченным бурьяном. Срезы камыша сухо вибрировали и источали то ли шепот, то ли призрачный стон. И под этот шепот и стенание ты прошел через двор – густой травостой, оплетенный вьюнком, паутиной и тьмой. Ты шел медленно, там за пеленой лет твоя тень встречалась с воспоминаниями. Вот и порог этого дома – выбеленный пометом птиц. Дуновение ветерка срывает с оголенных саманных стен клубы пыли и уносит в отверстый приют теней. Нахохленное вечернее жилище окутано сумерками и нечеловеческим одиночеством. Но ты готов и к этому. Ты все-таки вошел. Вернее, дом как бы двинулся к тебе, обнял тебя, окружил силуэтами, прикоснулся ко лбу прохладой пустоты. Тебе дано было понять, что это поцелуй. Ты замер. А когда пришел в себя, то увидел, что находишься посреди комнаты. Темные саманные стены щетинились пучками соломы. На полу, заросшем муравой и пустырником, белые пятна птичьего помета, горстки мелких костей то ли птиц, то ли грызунов. Кто-то шевельнулся за спиной, ты оглянулся и увидел на торе большую серую сову. Она глянула на тебя выжжено-желтыми глазами, и сказала тебе словно бы бесплотными словами:

– Проходи, сын мой. С возвращением. Присаживайся.

Ты нисколько не удивился словам совы, оглянулся и увидел рядом чурбан. Сел на него и глубоко вздохнул.

Сова помолчала и, словно беззвучно, снова сказала:

– Сколько лет, сколько зим! Ты все-таки вернулся. Однако негоже не встречать гостя, не привечать его, пусть он и блудный сын. Это не в обычае этого аула. Оставайся в этом доме. Скоро приготовят угощение, старики уже идут сюда, чтобы поздороваться с тобой.

«Странно, – подумал ты. – Кто готовит угощение, и кто идет отдать мне салем?»

Поскольку сова молчала, думая о чем-то своем, ты встал, выглянул во двор и увидел толпу молодых ворон, которые валили на землю упитанную крысу. Они даже завязали животному ноги, кто-то сложил ритуально крылья и бормотал молитву. Всё делалось как полагается. Вороны были оживлены и действовали сноровисто, не хуже зигитов твоего давнего, канувшего аула. Ты одобрительно кивнул головой, вернулся в комнату, подошел к окну и увидел толпу старых, дебелих ворон и галок. С подвязанными кушаками, опираясь на костыли, шли они неспешно, как и полагается аксакалам, и о чем-то переговаривались. И это тоже было правильно, всё как некогда, в ауле твоего отца. Сейчас они войдут во двор, потом в дом, начнут целовать тебя кто в лоб, кто в ладонь, потом пойдут расспросы.

А кто же готовит дастархан, а также постель усталому путнику? И ты увидел в спальне хохлатую птичку-невеличку, она взбивала на полу ворох пуха, тщательно готовя ложе. Ты кивнул ей, птичка-невеличка по обыкновению невесток этого аула почтительно присела и поклонилась тебе. И тебе это очень понравилось. Ты обернулся. В гостиной хлопотала, деловито накрывая дастархан, голубая сойка. Расстелила обрывок старой бумаги, разложила на нем осколки битой посуды. Действовала она очень споро и умело. Пройдут какие-то полчаса, и в комнату внесут на блюде вкусный, источающий пар курдак. Начнется беседа о том и о сем, разговор затянется до полночи, потом келин проводит тебя в комнату, где для тебя уже постелено.

– Мы ведь тоже люди, не кто-нибудь. Не хотим, чтобы о нас пошел слух, что мы не гостеприимны, не умеем привечать людей в своих домах, – сказала сова, заметив, что ты оцениваешь действия хозяев. – Отдыхай, ты у себя дома. Ну, рассказывай, как там дела в большом мире. И что там затевают на этот раз. Мы слышали, что грядет новое канпеске, что будут загонять в каллектып нас, сов и филинов, ворон и галок. И мы дюже встревожены этим. Не ровен час, примчатся уполномоченные. А доносчики всегда найдутся. Скажут сороки, что совы и филины владеют несметными стадами крыс и мышей. Начнется раскулачивание. Куда нам деваться? Ну, сынок, что слышно об этом? Мы же аульчане – народ темный, невежественный. Что нам делать?

Вороны и галки – аксакалы, кряхтя и тяжело вздыхая, уже входили в комнату.

Сова поднялась, чтобы приветствовать их. Птичка-невеличка и голубая сойка, наклонив головы, почтительно присели, отдавая салем старикам. Ритуал обретения начинался. Ночной ветер ожил, он взмахнул беспредельными крылами, и мрачное, окутанное сизой дымкой тростниковое поле ожило, закачалась кровля ветхого жилища, срезы камыша запели, зазвенели, истекшая дребезжащими голосами.

И ты проснулся. Оказывается, это был сон, навеянный шепотом Банзая. И опять не спал ты до утра.

Апке

Обходить исполинскую Сферу стало ежедневным ритуалом для Апке. Все эти двадцать лет каждый день, ближе к вечеру, Апке, сопровождаемая евнухами, шла осматривать колосса. И всегда обходила его по кругу по часовой стрелке. Евнухи привыкли к этому правилу, они неизменно появлялись за спиной, когда она выходила из парка золотого дворца. Двадцать евнухов, вооруженных кривыми мечами, короткими копьями, должны были сопровождать Апке, когда она выходила в город. Таков был приказ коменданта. Свиные стражники с кнутами шли в отдалении впереди, сгоняя с пути нищих попрошайек, юродивых, увечных. А таких с каждым годом становилось всё больше, и они почему-то собирались на площади у помоста под необозримыми боками Сферы. Что их тянуло к помосту Старика огня? Понять бы, что двигает душами нищих и увечных, какая тайная сила собирает их вместе и заставляет их танцевать у помоста безумца. Особенно много их становится, когда на площади появляется Апке. Они следуют за ее процессией словно толпа призраков, глухой ропот колыхнется над этой гурьбой, невнятный гул, сливающийся с многоголосой песней мастеров на лесах, неустанно работающих долотами и шлифовальными пилами. Этот гул голосов, нескончаемый перестук долот, визг и скрежет пил – жизнь, кипящая на боках гранитного титана. Сам колосс, окруженный лесами, затянутый в паутину арканов, кажется невиданным чудовищем, готовым вот-вот ожить, прийти в движение. С какой стороны ни взглянешь на него – всегда выглядит громадиной, закрывающей от взора полнеба. Нет, совершенно круглый Банзай, исполинская сфера, – это не пирамиды древних и не башни имперского города. Пирамида своими сужающимися линиями словно обтачивает взгляд человека, это форма, которая исподволь входит в душу как приказ, как веление всегда быть послушным, покорным, готовым принять волю неба, откуда из одной точки изливается титаническая масса. Километровые башни имперского города, обвешанные радарными панелями, с торчащими жерлами пушек, всегда восхищали Апке и вызывали неосознанный страх. Эти неизмеримо высокие, рвущиеся вверх небоскребы говорили о нечеловеческой воле, невиданной гордыне, о знаниях, вышедших за любые пределы. Раса, построившая километровые небоскребы, тем самым символизировала свою готовность оторваться от земли-матушки и навсегда покинуть ее. В конце концов так и вышло, люди, построившие небоскребы, стали чужими, они разрушили природу, уничтожили среду обитания, отравили сознание множества людей, извратили природу человека, пытались создать киборга. Самые упорные из них строили летающие корабли и раз за разом покидали планету, надеясь найти среди звезд рай обетованный. Слепцы, как можно обрести рай, если в душе тьма и безумие?

Впервые в истории человечества в городе Апке сотворен символ совершенства, истинного покоя – большая Сфера. И это такой исполин, какого никто никогда не создавал. Он такой огромный, что его видно с далеких гребней кратера. Такой памятник никто и никогда не забудет. Воистину Банзай – символ вечности и нерушимого покоя. Покоя полного знания и духовного равновесия, но не смерти. С титаном этот город проживет тысячелетия. Она предчувствует это. Исполинский шар как символ твердого покоя и нерушимого порядка войдет в душу каждого человека. Возможно, Апке была послана в мир для сотворения шара. Не случайно же в каждой книге Малыша утенка упорно говорится о камне Ин-ян, то есть сфере. И всё время упомина-

ется тайный код из четырех букв. Банзай и секретное слово следуют рядом через все истории мугалима и Малыша утенка. Мнится Апке, что она близка к разгадке тайны. Осталось только завершить Сферу... Зардар тоже что-то чувствует. А ведь он всегда помогал Апке, был рядом, потому что выполнял задание императора выяснить тайну кода. Апке не сразу поняла, что капитан – агент секретных служб империи. А когда поняла, стала помогать ему, объединив для этого силы малого отряда, то есть своих друзей. Это она наказала Боре, Кабанбаю, Тайбале, Уку филину, Кояну, Малышу утенку следить за каждым человеком в колонне, ловить любые слухи, проникать в намерения людей и всячески оберегать предводителя. Первым попытался совершить покушение дюжий стражник. Он был оскорблен, что вождем выбрали не его, а какого-то сопляка, пусть даже в звании капитана. Когда он кинул кинжал в спину предводителя, внезапно возник Боря и подставил щит, закрывая собой обреченного. Второму покушению помешал Кабанбай, третьему Тайбала. Уку филин стал ловким агентом, слухачом предводителя, недремлющим оком, проникающим даже в тени. Апке решила помогать капитану, потому что поняла, что силы империи на его стороне, а значит, с ним отряд выживет. А ее выбор стал выбором и друзей. Конечно, какое-то значение имело и то, что плащ Странника оказался в руках капитана.

Когда они переправились через реку и высадились на берегу, их немедленно окружили воины кокборе. Минута была критической, ведь и до них на землях серых волков появлялись люди и мутанты с того берега реки, всех их уничтожали как отродье дьявола. И тогда капитан накинул на плечи плащ Странника и шагнул вперед. Он произнес приветствие и сказал вождю кокборе заветные слова: «Мы люди Большого орла». И это произвело неотразимое впечатление на вождя и воинов. С этой минуты пришедшие люди, мутанты и племя кокборе всегда были вместе. То, что события стали развиваться по воле пришельцев, а не туземцев – это, скорее всего, воля либо Бога, либо Странника, ставшего духом. Быть может, это их шепот слышит Апке, принимая за собственные мысли.

Шепот Странника слышит Апке, и даже когда на дворе глухая, запретная ночь, она всегда встает и выходит бродить по городу. Тени евнухов тотчас окружают ее, словно силуэты черных тростников, что колышутся и поют надтреснутыми голосами на краю озера. Шепот Странника клубится в душе Апке и заражает ее безумными видениями. Апке – исполнительница воли Странника, даже когда нет его на этом свете, она готова следовать его духу, ибо не видит иного смысла в этой жизни. Когда-то в давние времена явился он, возник над полем битвы, как мистический крылан, глашатай бога войны, и повел их через просторы, был с ними много лет, а потом внезапно исчез у входа в подземелье. Это видели многие. Разве Странник не дух-спаситель, а также их пастырь? Разве не должна Апке, после исчезновения Странника, исполнять его заветы, безупречно внимая немо сочащемуся шепоту? Разве не жрица сама Апке, и разве не шепот Снежного воина повелел ей явить из камня большую Сферу? Когда вокруг тебя одни только мертвые камни, безумие становится сущностью и смыслом жизни. А Апке чаще видит вокруг себя мертвые камни, нежели живые души. Осталось немного – и все увидят, что исполин живой, что он живее всех живых. И слово явится само собой, не нужно будет допытываться его. Зардар узнает искомое, его миссия будет оправдана перед империей. Если бы правитель был зряч, он давно бы узрел заветное слово в очертаниях четырех великих дворцов, построенных по прихоти Апке и по его велению. Но он не видит, так же незрячи

агенты империи, которыми кишит город. **Воистину слово начертано и явление перед всем миром, но его не видят.**

Апке редко спит, но чаще сидит в своей келье с прямой спиной и скрещенными ногами, с ладонями в мудре невысказанного покоя. Эта поза упокоения излюблена ею, и кажется ей, что века пролетают над ней, когда она так сидит, исчезая в шепоте пустоты. Шепот пустоты творит невысказанное с нею, заколдовывает ее, останавливает мысль, биение яремной жилы, вихрь образов в мозгу, а затем неумолимо начинает осыпать тело, естество и самую душу атомами небытия. Сколько длится безвременье, кто знает, но когда звучит только шепот пустоты, а душа пронзена черной молнией *ничто*, никто не может сказать, есть время или его нет. Чудится ей, что тени пролетают сквозь нее, тени существования и несуществования, тени ее жизни, которые словно приснились ей. Осыпание естества-сущности в атомы небытия так чудно, воистину оно есть блаженство. И когда загорается огонь тьмы в сидении в мудре невысказанного молчания, Апке мнится, что она истинно другая, существующая всюду и везде. Что есть сон? Упокоение, обращающееся блаженством, или медленно текущее бытие, становящееся страданием? Научилась Апке когда-то у Странника сидеть часами со скрещенными ногами, а потом непонятное упорство много лет заставляло каждый день устраиваться на седалище. Так прошло больше двадцати лет, теперь она благодарна наставнику. Но что делать с шепотом Странника, а также с бредом призраков, душ умерших и погибших строителей большой Сферы? Это всегда с ней, стая призраков витает над Апке днем и ночью, не давая покоя душе Той, которая все знает.

Изумрудный дворец, вернее, его парк, где высится двухэтажный срубный дом, избран Апке для обитания. Этот дом – точная копия строения, описанного в одной из книг Малыша утенка, в главе «Наш дом». Он повторен строителями до мельчайших подробностей. Порой Апке кажется, что она танцовщица Майя, описанная в книге. Сны Майи сняты и Апке, и тогда по утрам она выходит на восточный балкон, чтобы встретить восход солнца, а вечером устраивается на седалище на западном балконе, и когда солнце уходит за гребни кратера, ее душа умиротворяется покоем. Быть может, она мечтала встретиться с невероятным ушастиком – духом дома, чтобы обнять его и заглянуть в его глаза-бездны, кишасие звездами иного мира? Апке никогда не призналась бы себе в этом. Как жаль, что ее дом не окружают дивные поля, описанные в книге! Протяжное желтое пшеничное поле, полыхающее на ветру и плывущее по склонам, бескрайним ситцевым платком пестреющее на холмах гречишное поле! Или поющее миллионами солнечных голосов и провожающее светило влюбленными глазами поле подсолнухов, зеленое воинство кукурузных мальчиков и девочек, нескончаемые ряды вихрастых, высоких подростков, шагающих на последнюю вселенскую битву! Как жаль, что эти доли не окружают дом Апке! Иначе она каждое утро и каждый вечер убегала бы далеко-далеко, чтобы бродить и бредить, шататься, теряться взглядом в кружении дивных ворохов-снопов, как это умела делать Майя. Воистину, Майя что-то ведала в существовании, поэтому, будучи не в силах не поддаться очарованию ее магического танца и пения, Ушастик явился к ней.

Но Апке всё же бредила по-своему, читая другие книги Малыша утенка. Поэтому по приказу государя были разбиты эти огромные парки. В этом парке были высажены в основном косточковые джугарные деревья, урюк, персик, абрикос, черешня, вишня, алыча. Весной они начинали цвести одно за другим: когда облетал цвет урюка, начинали распускаться бутоны вишни и черешни, вслед за ними покрывались бело-розовой кипенью персик и алыча.

Цветение парков – любимое время года для Апке, в такие дни она с утра до поздней ночи бродит по садам, бывает, порой и остается на ночь в шалаше. Шалаша устроены для нее во всех четырех парках. Комендант выполнял все ее просьбы, средства для этого появились, как только в кратере на северных склонах в глубоких расщелинах были найдены черные кристаллы. В отряде был один геолог, изучив найденный камень, разглядывая его в лупу, он удивленно сказал, что это гранат, причем очень редкий, видимо, с вкраплениями иридия и марганца. Конечно, о находке вскоре прознали в имперских башнях, камень был доставлен в лабораторию за реку. Вскоре правитель получил приказ приступить к строительству города, одновременно начать добычу кристаллов. Только через несколько лет, когда начал действовать рудник, а первые кварталы города уже были подняты, Апке узнала, что черные камни нужны империи как зарядные кристаллы для лазеров. За гранаты империя платила щедро, все заказы Апке выполнялись в точности. В одном только им было отказано – в поставке огнестрельного оружия. Империя посылала нужных специалистов, ученые выполнили все необходимые расчеты, вовремя прибывали инженеры и мастера, другие умельцы – так в центре кратера возник этот средневековый город, настоящий бастион, твердыня, призванная охранять секреты кратера. А их, оказывается, было немало. Со временем геологи открыли, что на глубине пятисот метров под городом находится тело астероида. Эта была колоссальная глыба цельного металла, которая упала на Землю много миллионов лет назад. Самородный металл, обнаруженный во многих местах кратера, видимо, был выбросами астероида, чье раскаленное тело при ударе ушло в землю на полкилометра. Геологи объяснили Апке, что и черные кристаллы, скорее всего, образовались в кипящей магме при чудовищной температуре и давлении в сотни тысяч атмосфер при падении металлического астероида. Как бы то ни было, черные кристаллы, железо, медь, никель и олово, найденные в кратере, оказались для колонистов манной небесной. Нужно было только организовать добычу ископаемых и их перевозку на территорию империи. Империя получила то, что ей было нужно, а взамен помогла построить этот каменный город, крепостные стены, дворцы, парки, сделать расчеты для превращения гранитного утеса в исполинский шар.

Всё же этот город – творение Апке, а дворцы и парки – земное воплощение ее мечты. С их появлением Апке живет как бы в наваждении красоты. Она редко встречается с друзьями, в свободные часы бродит по садам, или обходит по кругу сферу, или в сопровождении евнухов выходит на берег озера, куда часто прилетают стаи хохлатых черных журавлей.

Любимое время года для Апке – весна, когда начинают расцветать ее сады. Ее сны становятся объемными, ясными и озаренными. Шепот призраков не слышит она, и сила света поднимает ее в полет над цветущими парками. Тени больше не преследуют ее, и Апке летит над цветущими кронами, витая в облаке аромата. Благоухание персикового сада! Не описать его и не передать ничем блаженство головокружительного витания над розовым туманом сада. Подобно сонной, сумеречной пчелке, заплутавшей в цветах клубящегося сада, кружит, парит Апке, и душа осыпается атомами небытия, сочится сквозь ветки и цветы и каплет вниз на траву забвения. Возможно, именно для этого была создана Апке, – чтобы дурманной пчелкой витать, кружить над медовыми цветами, припадать к нектару и осыпаться лепестками, каплями безмолвия. И тогда душа вопрошает: «Для чего была ты воительницей столько лет?»

В пору цветения садов и парков Апке днями бродит среди деревьев, пропитанная ароматами цветов, вся в облаке едва различимого мерцания. Забытая улыбка на ее лице. Бывает, часами стоит на полянке, глядя на персиковые деревья. И улыбка на ее лице кажется продолжением розового сияния лепестков сада. Словно тени, стоят в отдалении евнухи, а за ними – всё те же призраки, но Апке не видит и не слышит их. Она в упоении. Жужжание пчел и шмелей гулом стоит над необозримым парком, живыми розово-карминовыми тучами шевелятся купы деревьев, малиновая тишина перепелкой Бодоне перепархивает под листьями от дерева к дереву, и кажется Апке, что не лепестки осыпаются, опадая с ветвей, а ее душа оседает, крошится атомами и каплет на траву. Тишина витает в саду куропаткой Бодоне, перепархивает от мгновения к мгновению, а Апке кажется, что лепестками персиков и вишен осыпается, обметается самое время, самая жизнь, изливаясь в небытие. В пестрой, зеленой накидке, в легчайших шелках, окутанная нитями забвения, стоит Апке в саду, и меркнет сердце, никнет душа, летит лепестком на траву, устланную паутинами призраков. Взлететь бы наяву и воспарить над деревьями, но ноги не пускают, они тяжелы, запутаны травой-муравой, мхом и черными нитями ликов-призраков. Зачем она была воительницей? С малых лет ее руки привыкли к мечу, и святым своим долгом считала она истребление врагов. Несчетными ее врагами были тогда жуки, пауки, тараканы, моль, муравьи и термиты, затем полчища крыс, а последние двадцать лет – легионы туземцев – кургуров и утургуров. И не было такого случая, чтобы ее рука дрогнула, разя врагов. Дитя войны – она была воспитана войной. Но почему млеет душа, трепещет, пытается взлететь над кронами, слиться с живым шевелением розового цвета и зарыться в горы аромата? Чтобы всё забыть и забыться в глубине *ничто*? Вот ее сад – он вокруг нее, словно надежное и любимое войско, она знает каждое дерево, каждый кустарник в необозримых четырех парках восточной половины города. Возможно, эти деревья – воскресшие души убитых кургуров и изнемогших на рудниках рабов? Но почему они так пахнут и так парят, кружат вокруг, словно перелетные журавли, вернувшиеся на озеро и танцующие в самозабвении танец счастья? Почему шелестят шелком эти лепестки и овевают ее лицо живым ароматом, касаются лица, щек, ласкают и трогательно просятся прямо в сердце? Почему, коке? Разве они живые, эти крохотные розово-карминовые лепестки, малые ладошки – лепетливые светоплескалки и светожурчалки, вестники зари? Или они простили, как было сказано пророком, вестником неба: «Сколько раз можно простить брата? Семь раз по семь и еще столько же!»

Деревья, словно розовые фламинго, тени сада, будто черные журавли, кружатся, взлетают в пируэтах и грациозно приседают, кланяются Апке, а ее душа объята смутой. Как никогда встревожена она, когда перед ней цветущий сад, живые карминовые облака света громоздятся кругом и окружают ее холмами аромата. Нет в душе мира, а красота мнится вызовом Истины. Воистину иллюзорно все, не остановить мгновения, а прошедшая жизнь кажется сном. Когда прошедшая жизнь кажется сном, оживают призраки. Души мертвых оживают, восстают из праха, поднимаются из черной паутины, хрусткого мха, выстлавшего землю. Души мертвых воинов приходят со всех сторон, проходят через деревья, толщу стен и следуют за ней, изливая шепот, неизбывный, бесконечный. Тревога на душе Апке. Она знает, что еще больше будет этих теней, настойчивее будут стучаться они сквозь призрачность, вопрошая все об одном и том же. Джуруха – несравненный воин гото-

вится к решительной войне против людей и мутантов. Отовсюду стекаются в его войско кургуры и утургуры, пылая жаждой отомстить за поруганную *Отукен*¹, за кости предков, которые были выброшены из гробницы с высоты грандиозного кряжа. Она была против грабежа усыпальницы, но не смогла остановить вождя и его приспешников. Недовольны были и атай кокборе и борисаров, они предостерегали, говоря, что духи отомстят им, что будущее отвернется от них. Однако предводитель и его аруги² никого не слушали. Они были опьянены недавней победой над врагами, когда в трехдневной жестокой битве были разгромлены два лега кургуров. Битва была столь трудна, а ожесточение сражения за обладание кратером столь велико, что победители не хотели внимать никаким доводам. Зардар со свитой сам поднялся по тайному внутреннему проходу к усыпальнице. Золотые маски и панцири были сорваны с мумий древних воинов, в том числе первой царицы пращуров, сотни останков сброшены с высоты на землю и в тот же день сожжены в огромных кострах. Вскоре слух об этом злодеянии прошел по всей степи. После этого никакого примирения с кургурами и утургурами быть не могло. И все двадцать лет прошли в военных действиях, в приготовлениях к новым нашествиям. Империя помогала в этой борьбе, однако она отказывала в поставке огнестрельного оружия, боясь усиления нового анклава и возможного его отпадения. Кроме того, она опасалась демарша со стороны Желтой империи, которая тоже хотела контролировать степь и торговать с ее людьми. А прошила Желтая империя всё те же черные кристаллы.

Двадцать лет прошли в величайшем напряжении. Апке не знала покоя. Боря и Кабанбай всё время в походах. Она почти не видела их. Изредка встречалась с Тайбалой, чтобы узнать о событиях, происходящих в саванне. Порой Апке кажется, что за эти двадцать лет она прожила века: столько событий вместились в это время. Дикая племена из каменного века попали в железный, – вот что произошло, когда горстка людей и мутантов со своим гремящим оружием переправилась через великую реку. Возникла новая страна, и жизнь туземцев необратимо изменилась. Возможно, ей всё это только приснилось? Быть может, они все утонули во время переправы через реку, и она оказалась в стране мертвых? Мнится ей тогда, что она древняя, ветхая старуха-шыракчи, страж и жрица погребального культа кургуров. Она всегда была на страже мертвых костей, отгоняя от них дьяволов. Вот почему души мертвых являются к ней, вопрошая все об одном и том же. И рано или поздно она должна дать ответ.

Разрастаются корни боли в ее душе, когда она смотрит на свой сад. Вот деяние ее рук. Эти величественные дворцы, золотой, серебряный, изумрудный, малый, вознесенные над землей, словно огромные шатры каханов древности, легкие в силуэтах, похожие на летящие миражи, творения из камня и редкой древесины, останутся ли они после нее? Не вырубят ли злые руки торжествующего врага все эти бесценные деревья изумительных по красоте парков, не сожгут ли в вящем торжестве, проклиная пришельцев? Для чего она задумывала всё это, бессонными ночами переделывая чертежи и наброски бассейнов и фонтанов, рукотворных ручьев и водопадов, не давая покоя мастерам, рабочим, зодчим? Лучше ей умереть прежде, чем видеть гибель дела своих рук.

¹ Отукен – на древнетюркском – отечество, страна обетованная.

² Аруг – тайный советник правителя.

Бессонной ночью, когда ливень хлещет по листьям сада и траве, а шепот призраков становится ощутимее, Апке надевает плащ и выходит побродить по парку. Вспоминает она, пронзенная голосом времени, свое недавнее посещение рудника. И вновь слышит она протяжные крики стражников, видит бесконечные вереницы рабов, несущих вверх по вьющейся тропе корзины с голубоватой породой. Рудник – необозримая выработка глубиной метров триста. За двадцать лет добычи яма превратилась в огромный кратер. По ее склонам петляет дорога, по ней движутся две вереницы. Одна – это спускающиеся вниз люди с пустыми корзинами на спинах, другая – натружено дышащий, потный, заряженный болью строй людей, несущих корзины с глиной вверх. Серпантин – это несколько километров извивающейся тропы. На поверхности в отдалении от края кратера выстроились в ряд сотни корыт с низкими бортами и мелкими отверстиями в днище. Медные корыта держатся на опорах. Порода вываливается в эти емкости, здесь сотни рабов заливают глину водой и начинают перебирать месиво руками, продавливая жижу сквозь отверстия. Вскоре от голубоватой жижи на дне корыт остается мелкая галька и песок. В этой гальке там и сям сверкают черными гранями кристаллы. Их немного – на сотни тонн породы приходится обычно всего два-три камешка. Но за месяцы работы набирается до двух-трех килограмм камней. И за эту горстку камней две империи, Купольная и Желтая, посылают караваны, груженные провизией, одеждой, материалами. Они дают всё, кроме оружия. Таков договор между империями.

На руднике трудится несколько тысяч рабов, это в основном пленники из кургуров и утургуров. Здесь высока смертность – так тяжелы условия работы на руднике. Когда не хватает рабов, сюда пригоняют партиями арестантов и каторжников, среди которых немало тех, кто не смог выплатить налоги. А налоги увеличиваются с каждым годом, потому что аппетит империй растет. Бывает, что вместе с каторжниками пригоняют и подростков. Это обычно дети неплательщиков. Их ставят к корытам для промывки породы. Но бывает и так, что некоторые из них оказываются и среди носильщиков глины.

Апке не любит думать о рудниках. Но мысли приходят, особенно в дни, когда хлещет ливень, и парк, вздыхая, томясь от тумана и влаги, думает о бренности бытия. И тогда душа Апке невольно оказывается среди тех, кто карабкается с корзиной на спине вверх по скользкой тропе. А эта тропа полита не только дождем, но и кровью, и потом. Она кровавая, эта тропа, заплеванная и захарканная. Ошметки крови, сукровицы и пены лежат на этой тропе. И через каждые сто метров стоят дюжие стражники с кнутами в руках. Их оголтелые крики оглашают склоны кратера. Свистят, хлещут кнуты, сплетенные из кожи буйвола. Удар такой плети рассекает кожу на спине, да так, что кровь брызгами летит на тропу и идущих по ней людей.

На тропе нельзя останавливаться, потому что впереди и сзади идут носильщики с тяжелыми корзинами на спине. Стражников ненавидят лютой ненавистью. Военная охрана и надсмотрщики на рудниках – это люди, присланные империей, особо упертые и жестокие молодчики. Они присматривают не только за рудниками, но и за всем анклавом. Для них самое главное – чтобы кристаллы и металлы добывались без остановки. Для их привилегированного клана построены увеселительные и злачные заведения в городе, бани и казармы, магазины. Они упитанные, мускулистые, накачанные здоровяки. Злобы им не занимать.

В дни, когда ливень и парки погружены в тяжелую и грустную думу о будущем, душа Апке скитается по рудникам. Спускаясь как-то с охраной на

дно кратера, стараясь не глядеть на бесконечные вереницы рабов, она размышляла о загадочной расщелине, появившейся на дне котлована. В метр шириной трещина оказалась так глубока, что пришлось соорудить веревочные лестницы и спустить по ним геологов. Они добрались до самого дна разлома и, поработав там молотками, вернулись с поразительной вестью. Разлом глубиной в двести метров упирался в цельное металлическое тело. Этой глыбе не было видно ни конца, ни края. Так был найден астероид, падение которого некогда создало всю котловину. Именно поэтому Апке, а затем и зардар посетили рудник, чтобы взглянуть на трещину, своими глазами убедиться в открытии огромного значения – астероида. Правитель был обрадован и встревожен одновременно. Металлический астероид! Тело в миллионы или миллиарды тонн! Это означало, что анклав получил неограниченные ресурсы на десятилетия или века. Но с другой стороны, не станет ли открытие причиной вторжения той или иной империи? Вдруг это особый металл, который нельзя будет добыть обычным способом? И тогда империя захочет создать технологичный рудник с машинами, механизмами, производством. А это означает появление целого комбината, что неизбежно вовлечет в глобальные перемены всё население котловины. А как отнесется к этому Желтая империя? Не столкнутся ли две империи в борьбе за особый и дорогой металл астероида?

Апке спускалась к разлому. Ей показалось, что тропа-серпантин дымится от криков надсмотрщиков, стоны и хрипа носильщиков, их надсадного дыхания. Если где-то и существует ад, он, наверное, похож на эту дорогу, окутанную миазмами страдания, злобы и ненависти. Черные от пыли и пота рабы, шаг за шагом идущие вверх. Три тысячи шагов вверх, чтобы выйти на поверхность, вывалить груз в корыто, короткая передышка, и опять три тысячи шагов вниз на дно раскопа, где несколько десятков человек кирками и лопатами выворачивают породу. Апке осторожно идет по скользкой тропе, политой кровью и потом, захарканной плевками. Она старается не глядеть в глаза рабов, но ей это не удается. И взгляды встречаются. И она видит в черных провалах глазниц клубящуюся ненависть. Черный огонь ненависти. Если бы эти взгляды могли бы обратиться в огонь, то пламя испепелило бы госпожу с зонтиком в руке, превратило бы ее в прах и пепел. Как и тех крепышей, которые следовали за ней по бокам и сзади. Вот они – некогда вольные кургуры и утургуры, не знавшие ничего, кроме степи с ее травами, чистым воздухом, изобилием животных и птиц, туземцы, чьим излюбленным занятием была охота или скачка по саванне на породистых конях. Они рождались, как травы, и умирали по воле природы, как тростники. Но пришли люди-демоны из-за реки, и все изменилось для кочевников. Чужая воля, дьявольские намерения захватчиков разрушили их привычную жизнь. Племя пошло против племени, пламя войны всех со всеми охватило саванну, пришельцы надругались над могилами предков. Они ограбили усыпальницы вождей прошлого, сорвали с них золотые маски и панцири, бросили священные кости в огонь. Они сожгли жилища вольных людей, убили сильных воинов, а молодых обратили в рабов. И вот уже много лет, как они не видят ничего, кроме этой чудовищной ямы. Каждая ночь уносит жизнь нескольких носильщиков. Но трупы уносят прочь, а утром на место умерших в вереницы становятся другие работяги. Так продолжают годы, бывшие воины утургуров и кургуров под кнутами изнемогают, истлевают день за днем, неумолимо обращаются в бесплотных призраков. Этот рудник – исправная машина по превращению людей в духов мертвых. Слово окостенев от напряжения, опустив глаза, шла Апке вниз

по тропе. И вдруг вспомнила слова Тайбалы: «Пройти по жизни, как ветерок, не трогая ничего». И она поняла, что имел в виду Тайбала своими словами. Если бы они не начали воевать во имя создания страны, этот адский рудник, как и другие, не появился бы. Ведь эти рабы – не мерзкие крысы, а люди, у них есть сердце, душа. В огне раскаяния Апке ясно поняла, что ее парки тоже возникли на разливах крови и пота. На деньги от продажи кристаллов построены ее дворцы и парки, воздвигнуты бастионы и крепостные стены. Поистине прахом и пеплом умерших возвращены ее деревья. Вот почему она не может взлететь над цветущими деревьями, черная паутина опутала ее ноги, призраки крепко держат ее невидимыми руками, а шепот пустоты осыпает душу атомами небытия.

Помнится, Апке осмотрела раскол на дне ямы, проверила надежность веревочной лестницы, всё еще свисающей вниз. Там в глубине земли лежало что-то странное, непонятное. Геологи сказали – металлическое тело. Но что на самом деле прилетело из космоса? Апке была не только воительница, она была незаурядным романтиком, искателем. Ее воображение было разбужено вестью о находке, и она много ночей пылливо ломала голову над тем, как изучить находку, лежащую в недрах под кратером. Не вызвать ли из империи специалистов с приборами? Но как отнесутся император и его Совет к попыткам анклава самостоятельно исследовать непонятный объект? Не спровоцирует ли это опасную инициативу купольной державы?

Поднимаясь по тропе вверх, Апке увидела тощую, залитую синевато-грязными потеками спину подростка. Юноша шел, пошатываясь, ноша была слишком тяжела для него. Хриплое дыхание вырывалось из груди мальчика, крупные капли пота катились по лицу, срывались с подбородка вниз. Вдруг юнец оскользнулся, едва не упав. К нему уже бежал надсмотрщик, размахивая плетью. И тогда Апке кинулась к подростку, поддержала его, а потом поставила плечо под край корзины. И когда сделала шаг на подъем с тяжестью на плече, она поняла, какой непомерно тяжелый труд приходится выполнять рабам. «Госпожа! Госпожа!» – подбежали к ней ошеломленные телохранители. Гримаса страдания, ненависти и испуга исказила лицо мальчишки. И он крикнул: «Кет! Кет!» Надсмотрщик был уже рядом. Замахнувшись, он вдруг замер – его словно толкнул в грудь горящий гневом взгляд Апке. «Следуй за мной!» – приказала ему Апке и повелела телохранителям поддерживать груз, не мешая носильщику. Медленно шла процессия до самого верха, сопровождая молчаливую вереницу рабов. Наверху Апке вызвала распорядителя и приказала следить за тем, чтобы детей не использовали на тяжелых работах. Злополучный надсмотрщик же был переведен на другой рудник. Уходя, Апке оглянулась – ее словно что-то кольнуло. И она поняла – что именно. Длинноволосый мускулистый раб сверлил ее мрачным взглядом темно-синих глаз. И это было странно – дочерна смуглый верзила пронзал ее взглядом глаз, похожих на сколы синего металла, и непонятная сила мешала ей возмутиться наглым вниманием раба, она опутывала ее волю, будто невидимая сеть. Апке разглядывала его, пытаясь понять шепот, внезапно оживший призрачным шелестом дождя. Откуда этот раб? Когда был захвачен этот воин? Из какого племени? Надо выяснить это.

Под лаской прохладного дождя мается сад, порывается куда-то, пытается угнаться вслед за ветром. Но брэнная жизнь сеет не сорванными листьями, а пригоршнями праха, крошевом источенного сердца, летящего в пустоту. Поэтому Апке выходит из своего жилища, в темной накидке из непромокаемой

ткани, идет через чашу к большой Сфере. Словно тень, скользит она между кустами, следуют за ней телохранители, а в отдалении между деревьями перепархивают птицами обрывки ушедших дней.

Это ее неизменный многолетний ритуал – обходить Банзай. И в снег, и в дождь, тем более в погожие вечера Апке идет к великому творению, чтобы совершить круг под его сводами. Титанический труд был осуществлен рабами за эти годы: сначала устроены анкерные крепи на вершине утеса, сделана обширная арканная сеть, привязаны к ней корзины и клетки, веревочные лестницы, потом сколоты лишние камни, выступы гранита, обтесаны бока, и затем кряжу придана грубоватая округлость. На это ушло десять лет тяжелого труда. А когда мастера стали применять уголекислоту для разрыва камня (жидкий газ заливался в шурфы, сила расширения газа раскалывала гранит), высвобождение формы значительно ускорилось. В последние годы поверхность шара тщательно штриблили молотками и долотами и потом основательно шлифовали. В первые годы множество рабов умерло от невыносимого труда, десятки сорвались с высотных корзин и клеток, были и такие, что прыгали сами, сводя счеты с жизнью. Однако зардар и Апке были неумолимы. Новые сотни рабов были отправлены на леса и веревочные лестницы, их обучали мастера и инженеры, присланные империей. Дело пошло лучше, когда рабам удвоили паек. Туземцы, годами работающие на боках и склонах колосса, – это уже не рабы. Они уже мастера, заинтересованные в цели своего труда. Самые лучшие из них назначаются смотрителями или распорядителями работ. Те в свою очередь, в конце концов, получают свободу и становятся гражданами. Поэтому строители сферы имеют немалый стимул для добросовестного труда с полной отдачей сил.

Крепостные стены города и бастионы, воздвигнутые в ущельях кратера, чтобы закрыть проходы, в основном построены из камня, сбитого со стен исполина-кряжа. Караван за караваном уходили из города джунагры и буйволы с тяжелыми корзинами на боках, увозя груз за город или в ущелья, где также трудились тысячи рабов, поднимая стены на высоту двадцати метров. И эта грандиозная деятельность тоже близка к завершению. Город окружен крепостной стеной шириной в шесть метров, такие же ограждения закрыли все ущелья, кроме двух. Там устроены ворота, охраняемые сотнями солдат. Создавая гигантское творение, народ новой страны, по сути, превратил в неприступную крепость не только город, но и весь грандиозный кратер. Быть может, эти усилия и страдания тысяч рабов были не зря? Возможно, эта двойная крепость остановит полчища Джурухи? Если так, тогда Тайбала ошибается, он поддался чувству страха.

Где-то в степи несметное войско готовится к походу на город пришельцев, шепот камня слышит Апке и поэтому каждый вечер, когда на небе зажигаются первые звезды, идет к колоссу. Смутное небо полно дум, деревья парка ночными дрофами крадутся во тьме, в пределы другого мира, а Апке идет к сфере, ибо шепот Банзая открыл ей судьбу. Когда она уже под боками Сферы, чудится ей, что пение и стук долот становится громче, превращаясь в осязаемый ритм. Рабы и мастера привыкли видеть каждый вечер Апке, обходящую по правильному кругу их творение. Кто знает, быть может, они рады ее появлению, считая этот ритуал чем-то совершенно необходимым, завершающим окончательные смыслы Сферы? Или ей только мнится, что быстрее и оживленнее звучит перестук бесчисленных долот, осязатее льется с лесов горловое завывание певцов? Кто знает, прихотливо кружение мыслей чело-

веческих. Она приказала найти и перевести синеглазого раба с рудника на строительные леса шара. С тех пор почему-то к минуте появления Апке у подножия памятника собираются толпы подростков – подмастерьев, юношей и девушек из племени кургур и утургур. Это в основном носильщики, из тех, кто днем карабкается по лестницам, неся на спинах узлы с едой, водой, заточенными зубилами. Вечером их первыми отпускают на отдых, но они не уходят к казармам, а, дожидаясь взрослых, танцуют и поют у подножия Банзая. Странные песни поют они, еще более диковинные танцы преобразуют их жилистые, сухощавые тела. На клочкотание горной реки похоже их завывание, потока ночного, черного, полного неумной силы. Стынет кровь в жилах, когда слышишь, как ворочается среди валунов этот поток, бьется, прыгает из стороны в стороны, рычит от гнева, бросается в отчаянные прыжки на гранитные утесы, но вдруг с высоты срывается водопадом и торжественно изливается в мощном, нечеловеческом реве и рокоте. Когда слышит Апке этот многоголосый волчий вой и медвежий рев с высоты необозримых склонов исполина, леденеет ее кровь, но не от страха, а от жути и темного восторга. Нет, это не рабы поют на лесах и в клетях, а душа человеческая, распахнутая перед пучиной и несметными звездами, пронзенная догадкой невероятной судьбы в просторах вечности клочочет, рыкает предощущением силы.

Словно тень витает, перепархивает Апке под крутыми, неохватными боками грандиозного творения, а сверху хлещет, срывается потоком горловая песня кургуров и утургуров, уносит душу в кружение немыслимого... А толпы юношей и девушек в танце Большого орла изгибают и заламывают руки в невероятных движениях. Захваченные ритмом пляски, изображающей небесную схватку орла, они изгибаются, то наклоняются вперед, то запрокидываются назад, их руки трепещут, дрожат, бьются в ритме летящих крыльев. И так диковинна их пластика, так выразителен ритм, что кажется, что это не юноши и девушки кургуров и утургуров танцуют на площадке, а стаи орлов и беркутов кружатся в выси, несомые вихрем ветра. Ветер обнимает их крылья-руки, ломает и изгибает в полете, несет в головокружительном парении-падении, освобождая орлиную сущность. Горловой рык утургуров и кургуров ниспадает с боков огромной сферы, то стихает, то вновь обрушивается с неистовой мощью, а внизу толпы дочерна-смуглых юношей и девушек самозабвенно пляшут под гром барабанов. А душа Апке теряется, расплывается в сумерках, сила Банзая рассеивает ее сердце, разбрасывает по сторонам и осыпает атомами. Этот нечеловеческий рев и рык, клочкотание неумной силы – не голос ли горы? Тогда что же задумала некогда Апке, глядя на гранитный кряж, и что освобождали из каменного плена руки тысяч и тысяч рабов, массируя и разминая необъятный живот колосса?

Не в силах ответить Апке на эти вопросы. Каждый повторный обход порождает новые вопросы. Только сильнее ощущала она, что с появлением творения жизнь их необратимо и неуклонно меняется. Быть может, не осколки и крошево летят со склонов колосса, а души людей, разбудивших чудовище, опрометью несутся и кувыркаются в буре перемен и летят неведомо куда? Куда их занесет?

В сумерках дождя и ветра, когда небо искажено, исполосовано струями воды и листьев, чудится Апке, что великан ревет и клочочет, рыкает на всю котловину, пробуя неземную мощь. Это он поет горловую песню, ухмыляясь чудовищной гримасой, запускает в пространство невероятные рулады согласовано закрученных обертонов. А что, если большой Банзай в один прекрасный день, подбоченившись призрачными руками, пустится в пляс вместе с

кургурами и утургурами? Не понесется ли в Тьмутаракань окаянную весь город людей и мутантов со всеми их войсками и снаряжением?

Нет, не ощущает Апке здесь ту боль и обжигающее страдание, которое видела на серпантине рудника. Как будто не те же кургуры и утургуры – рабы работают на боках исполина, а люди другие, озаренные неким знанием, пронзенные огнем силы. Особенно заметна эта энергия, когда они поют на склонах колосса, а их молодежь танцует на площади. А среди них этот почти черный синеглазый великан. Быть может, Апке, сама того не желая, преобразила этих людей, и они уже больше не рабы. Но ведь они и не были рабами, они были воинами степи, и никогда не забудут этого. Никогда! Кто знает, не по великой ли необходимости их темной и трагической судьбы занесены сюда Апке и ее люди, и их мыслью, их планами в реках крови и пота преобразуется судьба-история степного племени? Потому что так нужно их будущему. Апке думала, что причиной всему она, но, возможно, всё не так, всё наоборот. Общее сильнее и сложнее единичного, и она, сама того не понимая, превращалась в жрицу большой Сферы именно по воле и прихоти этой земли и ее людей. Полагаем мы, что живем, но ведь живут нами и через нас. Как бы то ни было, ощущает Апке, что с каких-то пор не вольна она, несвободна, строительство монолита захватило всё её существо, подчинило её жизнь, да так, что даже перед нашествием Джурухи она не может думать о чем-то ином. Ожог догадки. Уж не прослышали ли рабы про приближение полчищ соплеменников? Не потому ли они так поют, что предвкушают перемены? Бурей грядущих событий унесет Апке и горстку пришельцев, останутся миллионы туземцев. Этот город, крепости и огромное творение достанутся им. Договорятся ли между собой племена, появится ли здесь новый объединенный народ с культом великого Банзая?

Вопросы, гул голосов и биение яремной жилы: бредёт, бредит Апке, видит воочию духов мертвых, бесконечными рядами возникающих из тьмы. Они были живыми когда-то, их руки касались тела колосса, трогали, освобождали великую форму. Под кнутами надсмотрщиков изнемогли они и истлели, обратились в духов. Шепот камня слышат они и являются каждую ночь к Апке. Что они хотят от нее? Видит она души мертвых и не может присоединиться к танцу живых, не может взлететь над купами деревьев. Ее судьба оплетена корнями земли и камня.

Зардар

«Когда будет произнесено слово, трое станут одним, трое тоже станут одним, одно станет наилегчайшим, тогда большой Банзай придет в движение».

Ты повторил фразу из шестой книги Малыша утенка и в раздражении поднялся с софы. Продолжая держать книгу в руке, медленным шагом вышел на южный балкон золотого дворца. Эта сторона большого дворца была обращена к Банзаю, и каменный колосс сейчас особенно хорошо просматривался в косых лучах восходящего солнца. В чем же тайна заклятых слов из окаянной книги? Почему их значение не открывается тебе? Есть ли вообще смысл в этой книге, ведь сам император после прочтения всех найденных книг Малыша утенка в гневе воскликнул: «Что за чепуха наплетена здесь?» Однако Совет не согласился с ним, обратив внимание на то, что агенты федерации с ног сбились в поисках рукописей странного писателя. Изучение книг на суперкомпьютерах федерации показало, что причудливые метафоры, написанные поистине как лапа лапой, нередко представляют собой предсказания

будущего. Поразительно, но часть из них уже сбылась. Цифровые же коды этих книг при неких операциях порой раскрываются шифровками весьма экзотического оружия. Так, например, некоторые коды оказались шифровками военных экзоскелетов различных типов. Эти экзоскелеты потом были изготовлены и проверены в секретных цехах. Они оказались весьма перспективными и опережающими свое время. Члены Совета обращали особое внимание императора на то, что агенты враждебной страны длительное время рьяно охотятся за шестой книгой Малыша утенка. Предполагалось, что коды этой книги, особенно заветное слово из четырех букв, скрывают секрет некоего абсолютного оружия. После этих доводов командующий серьезно и надолго задумался. Он приказал изучить имеющиеся книги Малыша утенка и прогнать все коды, найденные в них, на суперкомпьютерах империи. Так кое-что все-таки было добыто. Империя получила несколько моделей боевых роботов и экзоскелет, названный Летун. Именно этот плащ был дан Страннику и потом оказался в руках капитана, агента отдела секретных служб империи.

Отношение императора к книгам Малыша утенка в корне изменилось. Как только он узнал, что агенты федерации ищут шестую книгу, что за огромные деньги были найдены и куплены отдельные ее страницы, он приказал Отделу заняться поисками оригинала и отправить за ней самых опытных офицеров. Так капитан, агент с особыми интеллектуальными способностями, прошедший огонь и воду, сложные полевые испытания, был внедрен в отряд Странника. Исчезновение Странника стало большой неожиданностью для капитана ССН. Но в его руки попал плащ Летуна, а отряде оставались Апке, сам Малыш утенок, Тайбала, Кабанбай, Боря, Уку филин и Коян – чудачки, которые пришли в большой мир неведомо откуда и принесли эти странные записи. В изменившихся условиях капитан сделал запрос по Икаи-связи и получил приказ следовать за ребятами, тщательно опекая их. Инструкции были недвусмысленные, необходимо было сделать все, чтобы узнать, где находится Шестая книга и самое главное – как прочитать главный код. В отряде было еще несколько агентов Шестого отдела, которые обеспечили капитану прикрытие и продвижение на роль предводителя. Однако капитан всегда подозревал, что среди двухсот человек, возможно, есть внедренные агенты федерации. Так оно и оказалось: во время марша на него было совершено три покушения. И он спасся чудесным образом – его выручили ребята, за которыми он сам вел тщательную слежку. Малыш утенок, по мнению капитана, был обычным олигофреником. Толку от него было мало, при расспросах он начинал нести такую ересь, такой шалтай-болтай, что становилось тошно. Тем не менее предводитель отряда выяснил, что книги Малыша утенка являются Реестрами, то есть записями лекций экзотического персонажа, которого ребята уважительно называли Мугалим или Старый и вечно одинокий. Оказывается, Шестая книга действительно существовала, ее название – Большой Реестр, и она осталась где-то в Зоне. Много усилий ушло на то, чтобы составить подробную карту Зоны. К этому времени отряд прибыл к подножию кратера, построил первый курень для кокборе. На горизонте маячили грозные события: бои с кургурами и утургурами. Связываясь по Икаи со службами империи, предводитель узнал, что Зона существует особым образом – это территория с искусственно наведенными топологическими ландшафтами в виде военного городка, силосной башни, некоего тростникового поля у высохшего озера, где лежит перевернутый баркас. Империя неоднократно посылала разведчиков на территорию Зоны, почти все они погибли, кроме последних двух, которыми были старуха-ведьма и сам Снежный воин,

то есть Странник. Предводитель испытал немалое потрясение, узнав, что Странник оказался спецагентом того же самого Шестого отдела. Шли годы, предводитель постепенно трансформировался в правителя. Были построены город, крепости, дворцы, наконец, сама большая Сфера. Когда монолит стал проявляться из каменного плена, зардар неожиданно вспомнил фразу из Шестой книги Реестра (дело в том, что империя имела всего одну страницу из этой книги), она звучала так: **«Когда будет произнесено слово, трое станут одним, трое тоже станут одним, одно станет наилегчайшим, тогда большой Банзай придет в движение»**. Его потрясение было трудно описать: получается – в Реестре было предсказано создание монолита? Они всё время занимались тем, что его создавали, но как понять предыдущие слова? Чувствуя себя охотником, почти приблизившимся к добыче, командующий приказал Тайбале совершить поход в Зону и найти Шестую книгу. Тайбала отсутствовал полгода, но Реестр он привез. Его поход был записан в особый протокол самим Малышом утенком. Но зардар, бывший агент особой подготовки, всё же не доверял Тайбале. За барлугой велось наблюдение, результаты слежки показали, что Тайбала по вечерам читает какую-то книгу. Она была тайно проверена – оказалось, что это точная копия того же Реестра, который был на руках правителя. Значит, Тайбала скопировал книгу и зачем-то ее изучал. Но зачем? Неусыпная слежка за дальним барлугой не прекращалась ни днем, ни ночью, причем правитель подозревал, что агенты федерации делают то же самое. Но какой толк от этих слежек, если невозможно понять фразу, записанную черным по белому, предложение, которое изучали самые пытливые и опытные филологи и графологи империи? С другой стороны, большая Сфера почти возникла и неведомым образом она может прийти в движение? Колосс весом несколько миллиардов тонн? Какая сила может сдвинуть его с места? Ядерный взрыв? Но кто может устроить такое на территории, подвластной государю? Здесь нет ни урана, ни устройств по его обогащению, ни плутония.

Кто такой Старый и вечно одинокий, и как он смог написать книгу, да таким корявым, запутанным языком, а самое главное: как ему пришло на ум шифровать мудреным слогом устройство оружия, которое еще не появилось на свет? Кем бы он ни был, этот загадочный старик, пророком, медиумом, контактером, или даже пришельцем, он задал жуткую задачу спецслужбам империи и федерации, возможно даже Желтой империи. За десятилетия исследований вышло из строя несколько суперкомпьютеров, были созданы новые. Агенты спецслужб нескольких стран сбились с ног в поисках Шестой книги, а она уже в руках зардара. Он пока не передал ее в Отдел, ибо у него свои планы, своя игра. Ведь если он первым получит главный код большого Реестра, то абсолютное оружие окажется в его руках. Тогда он уже не государь вшивой туземной страны с толпами индейцев, а что-то другое. Но что? От этого дух захватывало.

Зардар сглотнул слюну и задумался об интригах Желтой империи. В чем причина ее активности? Почему внезапно объявился этот треклятый Джуруха и смог одолеть утургуров, захватить половину страны? Кто такой его советник Сай Чуй, и какое имеет он отношение к Желтой империи? Ведь всё было нормально до последних лет, правитель исправно отправлял на восток караваны с металлом и черными кристаллами. Консулы Желтой империи, постоянно живущие в городе, сами могли убедиться в том, что правитель не ведет двойной игры, что торговля идет строго на паритетных условиях. Желтая империя получает столько же кристаллов, сколько империя запада. Или повелитель востока узнал про открытие на дне рудника? Но

каким образом? Ведь сообщили только об открытии рудного тела, залежей металла. И всё, не более. Зачем Желтой империи так остро интриговать из-за открытия нового месторождения полиметаллов? Уж не намеревается ли империя руками Джурухи убрать его, зардара, и установить контроль над его страной? Но ведь это может привести к войне с империей запада! Но Желтая империя может сделать вид, что она ни при чем, что война туземцев – это их внутреннее дело. Она скажет: ну и что, Джуруха? Раз в тысячу лет среди кочевников появляется гениальный полководец, так было не раз в истории. В летописях империи эти случаи тщательно изучены и описаны для всего мира. Ох-хо-хой! Какую коварную, хитрую игру ведет император востока. Ни к чему не придерешься!

Как тень возник в дверях адъютант. Зардар повернулся к офицеру и недовольно нахмурился: «Что еще?»

– Доклад о последних событиях, ваше превосходительство!

– Хорошо, читайте!

– Боевая платформа империи облетела рудник. Запроса на разрешение такого облета не было.

– Что? Платформа? Что им понадобилось? Это акт вмешательства! Ведь мы все-таки суверенная страна!

– Распорядиться об отправке ноты?

– Гм-гм... Нет, не нужно спешить. Сначала я выясню по своим каналам.

Что еще?

– Старик огня опять был возле помоста, он притащил туда пару коряг.

– Этот безумец? Он что, хочет поджечь большой Банзай? Ха-ха-ха! Пусть трудится, не мешайте ему. Его дрова могут понадобиться рабочим для костра. Пусть таскает. К тому же Апке всякий раз заступает за него. Странные у нее вкусы, а друзья – один другого стоит. Что еще?

– Старик-ваятель ходил по дворам и раздавал свои поделки.

– Везет нам на безумцев. И откуда они берутся? Что на этот раз он дарил?

– Агенты сообщают: фигуры воинов кургуров.

– Что? Статуэтки воинов?

– Да.

– И откуда он берет столько дерева?

– Ваше превосходительство, не только из дерева, но и из глины. Он лепит, обжигает на огне и получает терракотовые статуэтки.

– Час от часу не легче! Но и его опекает Апке. Она делает ему заказы для своих парков. Этот ваятель, хоть и безумец, но когда берется за дело, в умении ему не откажешь. По-моему, он безобиден. Тем не менее, пусть следят за ним, а терракотовые фигуры нужно все собрать и поместить в хранилище. Что еще?

– Старик дервиш танцевал на берегу озера.

– Проклятый дервиш? Нужно срочно строить приют для сумасшедших. Всё, что делает дервиш – очень подозрительно. Все его поступки нужно расценивать как преступления опасного сектанта. Эта выходка какая по счету?

– Седьмая, ваше превосходительство.

– Что ж, когда наберется девять, арестуйте и судите его по всей строгости закона. Раскольническая, сектантская деятельность недопустима! И почему Апке покровительствует этим трем старикам – безумцам... Трем? Гм-гм... Почему же число три? В чем тут дело?.. Офицер!

– Да, ваше превосходительство!

– Срочно подготовьте мне доклад об этих стариках, откуда они взялись и как появились в моей стране!

– Так точно!

Ты стоял на балконе и смотрел на большую Сферу. Этот гранитный исполин закрывал тушей полнеба. Накрытый арканной сетью, заволоченный снизу густой шторой из веревочных лестниц и бамбуковых лесов, этот гигант казался живым существом, дэвом, явившимся из сказочного мира. Еще месяц, и шлифовальные работы будут завершены. Арканы будут разрезаны, леса, клетки и корзины убраны, мусор внизу под боками шара вынесен за пределы города, и великан предстанет народу во всей красе. Двадцатилетняя работа по строительству большой Сферы скоро подойдет к концу. Все эти годы Сфера поглощала уйму средств, десятки тысяч рабов, сотни мастеров, смотрителей, инженеров с раннего утра до позднего вечера находились на объекте. Что получит за эти непомерные траты страна? Апке утверждает: артефакт колоссального культурного значения, быть может, религиозного. Поначалу идея превратить высоченный утес в центре кратера в гигантский шар казалась тебе полнейшим безумием. Однако возможности росли, продажа кристаллов и металла за рубеж была налажена. Военные победы над утургурами и кургурами дали анклаву тысячи пленных. Их надо было чем-то занять. Рабы строили дворцы, крепости, воздвигали стены вокруг города и в каньонах кратера. Умирали они десятками, как осенние мухи, но все равно новые рабы прибывали многими сотнями. И тогда Апке неожиданно предложила: возложить на рабов задачу по превращению утеса в большую Сферу.

«Что такое Банзай?» – поинтересовался зардар. «Это сооружение, какого в истории не было. Вероятно, оно станет культовым, и тогда ваше имя войдет в историю. Оно будет звучать в веках как имя создателя великой Сферы. Получив его, кургуры и утургуры воспримут новую религию. Это будет религия единого бога, совершенного, целостного, абсолютного, уравнивающего все и вся. Кургуры и утургуры, которые ненавидят нас как завоевателей, осознав и оценив новую религию, поймут нашу миссию. Они перестанут быть рабами, а станут служителями культа. Еще бы: они же своими руками творили храм! И вы прославитесь как повелитель объединенного народа, создатель государства», – несколько пространно объясняла Апке. «Но каким образом появится религия, при чем здесь Сфера?» – продолжал недоумевать командующий. «Когда объект будет завершен, у подножия храма произойдет таинство. Шар обретет священное значение, это будет воспринято всем народом как великое чудо и знамение. Вам останется освятить Банзай и начать первый ритуал. Это и будет днем рождения новой религии, которая примирит все четыре племени, объединит их в народ», – туманно объясняла Апке.

В мудрости и красноречии Апке не откажешь. Кроме того, какая-то сила упорно и неуклонно вела ее к цели, непонятной и непостижимой для других. Не зря же некоторые называли ее: *Та, которая всё знает*. Руководство империи же полагало, что она знает тайну заветного слова из четырех букв, которое является кодом к секрету абсолютного оружия. Правитель анклава, агент Шестого отдела, был обязан делать всё для получения этого секрета. Со временем стало понятно, что строительство Сферы и расшифровка кода каким-то образом изначально связаны. Так что эта затея оказалась частью Программы, которую все обязаны были выполнять. Зардар ее выполнял, причем самым тщательным образом. Погибли сотни, даже тысячи рабочих?

Ну и что, это необходимые жертвы. К тому же, кто считает рабов? Туземцы же получают готовенькую страну, религию, небывалый храм – то, чего у них никогда не было. Пока они никак не осознают происходящего. Дикари они и есть дикари, сознанием всё еще в каменном веке. И что нашла Апке в них? Тебе трудно понять и принять ее экзальтированность и странную склонность романтизировать индейцев. Это же головорезы, их вожди – самые настоящие охотники за черепами. Они веками резали друг друга, жили в шалашах, пили молоко кобылиц, орали свои дикие песни и скакали по степи туда и сюда. И больше ничего у них не было. Соседи их даже за людей не считали. А теперь у них есть этот город, форты в степи, почтовая служба, деньги, армия, страна с границами, и, наконец, шар – жирная точка в конце длинной истории. Большая же точка, ха-ха-ха! Тебе понравилась тобой же придуманная метафора про большую и жирную точку, которую ставишь сам в конце истории. Коротко хохотнув, ты прошелся по длинному балкону, потом обратно.

Дворцы ты любил. Эти вознесенные на гранитных постаментах огромные, просторные сооружения имели летучие, шатровые очертания. Издали абрисы зданий с загнутыми по краям кровлями напоминали каханские и княжеские шатры сановного двора, остановившегося в степи на ночлег. Эти здания должны нравиться кочевникам как символы их культуры. Они и нравились им, особенно чиновникам кокборе и борисаров. Атаи и аруги из их племен не уставали возносить хвалы зардару за красоту, богатство и роскошь дворцов. Бедняги, они же такого никогда не видели. Тебе же была приятна пышная хвала, ты уже привык к ней. Капитан в тебе давно ушел в прошлое, ушел даже правитель, настоящим в тебе был государь. Так и должно быть. Ты слишком долго ждал своего часа, и он уже близок. Ты тщательно готовил его, скрывая и маскируя мысли. Хорошо, что твои Икаи устаревшей модели, они передают не мысли, а слова. Эта рация гораздо удобнее, лучше подходит для связи с империей. Иначе секретные службы и сам император давно уже кое-что пронюхали бы. Капитан, тьфу, черт, – зардар – всех обведет вокруг носа. То, что должно открыться как абсолютное оружие, окажется в твоих руках. И тогда ты сам будешь диктовать свои правила всему миру. Прежде всего, поставишь ультиматум и дашь пинка кое-кому в жирный зад. Хе-хе-хе! То-то будет картина – жирный зад кувырком летит с двухсотого этажа! Хе-хе-хе!

У тебя заметно поднялось настроение. В этих дворцах, особенно в золотом, помещений не счесть. Кроме государя, никто не знает общей схемы этих палат, залов для приемов и пиров, тронного зала, покоев, галерей, потайных комнат, коридоров, винтовых спусков, подземных помещений, катакомб. Никто не должен знать, что скрыто в толстых мраморных стенах, какие механизмы открывают запоры замаскированных блоков, за которыми кроются секретные ходы. Схемы всех дворцовых помещений в голове зардара, они заучены как азбука. Раз в месяц он обходит свои кладовые, казематы, глубоко упрятанные мастерские, сложным образом замаскированные хранилища. То, что укрыто от посторонних глаз в хранилищах, – самая заветная из тайн командующего. Он же не такой простофиля, чтобы отдавать все кристаллы Купольной и Желтой империям. Кое-что оставлялось для резерва, и это кое-что с каждым годом неуклонно росло. И это богатство требовало, чтобы ты стал кем-то большим. Для Джурухи тоже кое-что было припрятано в казематах под золотым дворцом. Это совершенно особый секрет.

В косых лучах солнца сквозь разрывы сетки отшлифованные бока Сферы поблескивали карминово-темным золотом. Да, гранитный великан, обтесан-

ный и отшлифованный до блеска, освобожденный от арканного покрытия, лесов и лестниц, будет производить большое впечатление. Облитый лучами солнца, он будет сиять и переливаться пурпурно-темным массивным золотом. И откуда Апке все это знала? Как она могла предвидеть, что горный кряж приобретет именно такой облик, такую роскошную и устрашающую форму? Да, действительно, этот гигант виден отовсюду. Значит, каждый житель города, да и всего кратера, все гости, послы других стран вольно или невольно несколько раз в день будут созерцать его. И Сфера своей совершенной, массивной, красно-золотой формой будет отливаться в душе каждого человека, чтобы трансформироваться там в установку, некую программу на определенные мысли и образ действий. Ай да Апке! Вот что она подразумевала под религией! Великий храм, когда будет закончен, своим совершенным и законченным обликом станет печатать в сердцах людей некий императив – подсознательный, но не менее действенный. Ей-ей, нужно сделать всё, чтобы сей памятник был вовремя закончен! Да, не так уж безнадежна страна, в столице которой высится большая Сфера!

Ты был в хорошем настроении, даже насвистывал какую-то забытую мелодию. Ты еще не осознал, что твой приподнятый тонус – это результат шепота камня. Вечером тебе предстоит войти в покои младшей жены. Твоя девятая жена Гира – дочь Аюбая, вождя племени борисаров. Эта гибкая и тонкая в талии смуглянка – любимая дочь Аюбая. И она знает об этом. Для семнадцатилетней молодки слишком хитра и обольстительна она, и неожиданно умна, эта красавица. Нужно обстоятельно поговорить с ней об отце и других атаях борисаров. Ночью на ложе младшей жены состоялся этот разговор, и неожиданный поворот темы заставил тебя задуматься. Поистине, мы не ведаем, какие духи живут в умах женщин. Утром ты решил созвать военный совет. Но когда ты спал, Гира вызвала евнуха и отправила его к отцу с поручением.

Военный совет состоялся через неделю. Все эти дни нарочные мчались по дорогам страны к генералам и атаям кокборе. Это было время весенней откочевки на зайляу, сезон, наиболее любимый кочевниками. Мало кто из кокборе решил бы пренебречь прелестями весенней кочевки по цветущей саванне, все-таки древние традиции жили в крови туземцев. Несмотря на военное время, опасность нападения кургуров и утургуров, караваны кокборе двигались на родовые зайляу. Там их ждали радости ритуальных праздников, охоты, состязаний, скачек. В это же время происходило обручение знатной молодежи. Поэтому караваны союзных родов всегда шли по проторенным дорогам таким образом, чтобы их пути обязательно где-нибудь пересеклись. Однако военный совет в резиденции командующего – дело столь важное и чрезвычайное, что вожди вынуждены были оставить свои караваны и на породистых скакунах мчаться обратно в город.

В назначенное время все генералы и десять родовых вождей были в приемном зале малого дворца. В зале также были и аруги первого круга. Ты медленным шагом шел к залу. Коридор, облицованный белым мрамором с золотой орнаментальной окантовкой, казался туннелем света. Рослые гвардейцы стояли у каждой распахнутой двери. Тем не менее, ты шел тайным проходом. Никто не должен знать, какими путями пришел государь и какой дорогой он уйдет.

«Его Превосходительство, Главнокомандующий, Правитель двадцати провинций, Хранитель печати!..», – громовым голосом объявил комендант,

перечисляя твои титулы, и стукнул о пол жезлом. Генералы тотчас вскочили и замерли навытяжку, вожди кокборе и аруги встали с седалищ и низко склонились, прижав ладони к груди. Среди вождей ты увидел Аюбая, главу одного из родов борисаров. Грузный и высокий Аюбай выделялся ростом среди всех вождей. Ты размеренно шел к трону. Твое сердце радостно билось. Главный атай борисаров здесь. Ну, что ж, поговорим!

Генерал Джутук – начальник штаба доложил о текущей обстановке, а также кратко изложил доклад дальнего барлуги Тайбалы. Осунувшийся генерал говорил сжато, энергично. За последнюю неделю обстановка не улучшилась, а только ухудшилась. Джуруха – полководец, способности которого не следует недооценивать. Войска Джурухи прошли последнюю стадию мобилизации, авангард готовится выдвинуться на территорию борисаров. Племя же медлит, словно в ожидании событий. Борисары пока вне власти зардара, уже много лет они занимают позицию нейтралитета. От того, как они поступят, к кому присоединятся их десять туменов, зависит многое, быть может, судьба государства. Если борисары перейдут на сторону кургуров, то армия Джурухи пополнится ста тысячами всадников. Такой поворот событий надо рассматривать как угрожающий. Время уходит, нужно действовать решительно.

Ты решил выслушать мнение генералов. С седалища поднялся Боря – один из самых толковых, опытных генералов. Что же он предложит, понимает ли он обстановку? Боря, зная, что нельзя смотреть прямо в глаза командующему, говорил глухим, отрывистым голосом, глядя куда-то в сторону:

– Ваше Превосходительство, высокий военный совет, нам нужно принять сразу несколько шагов, половинчатых мер недостаточно. Во-первых, нужно остановить работы по завершению Сферы, все ресурсы направить на вооружение армии и формирование дополнительных корпусов. Необходимо также направить гонцов к вождям борисаров, дабы, во что бы то ни стало, уговорить их выступить на нашей стороне. Для этого не жалеть ни даров, ни обещаний. Рабов, снятых с объекта, нужно отправить на укрепление стен и углубление рвов.

Зардар кивнул головой и посмотрел на Кабанбая. Этот генерал, опытный и решительный, был сторонником атакующих и опережающих действий. Нелегко предвидеть, что он предложит.

– Ваше превосходительство, – Кабанбай осмелился посмотреть командующему прямо в глаза. – Прошу вас отдать приказ всей армии выступить в поход. У нас еще есть время дойти до рубежа между кургурами и борисарами и занять его. Это будет самый выгодный и правильный плацдарм для армии, ибо борисары, оказавшись в нашем тылу, вынуждены будут присоединиться к нам. Не будут же они отсиживаться за нашими спинами, как жалкие...

– Как кто?.. – вскочил Аюбай и вперился багровыми глазами в Кабанбая. Кабанбай весь потемнел и зло набычился. Между этим вождем и генералом давно пробежала черная кошка, и эта ссора может плохо кончиться не только для одного из них.

Вовремя вмешался генерал Джутук. Он недовольно посмотрел на Кабанбая и сказал раскатистым голосом:

– Горы между кургурами, утургурами и борисарами – не самая лучшая позиция для нас. Наша армия без прочного союза с борисарами и поддержки их сил может оказаться в окружении. Мы уже знаем, что некоторые вожди борисаров ведут переговоры с Джурухой. Они могут ударить нам в спину. И тогда Джуруха немедленно пойдет в фронтальное наступление, а наша армия

увидит свой бесславный конец. Нет, этот план слишком опасен, он даже пахивает авантюрой. Генерал Кабанбай, конечно, победил во многих боях, но сейчас совсем другая обстановка и другие масштабы войны. Нужно мыслить иначе. Необходимо отправить к борисарам самых уважаемых кокборе, они же их родичи, в конце концов, они поймут друг друга. Уверен, что борисары прислушаются к словам своих родичей. Нужно убедить их, чтобы они начали кочевать в центр страны. Все население борисаров со всем скотом должно передвинуться к кратеру в пределы земель кокборе. Если кто-то из борисаров останется на месте, сразу же станет ясно, кто переметнулся к Джурухе.

План Джутука тебе понравился. Он был осмысленным, понятным, давал время на завершение большого Банзая. И ты вопросительно глянул на атаев кокборе. Ты слишком хорошо знал их и нисколько не ошибался в своих предчувствиях. Кокборе когда-то были смелыми и дальновидными воинами, но это осталось в прошлом. Двадцать лет они были водимы пришельцами, а когда возник город с неприступными стенами, десять лет мирной жизни превратили их в беспечных ленивцев. Атаи кокборе привыкли к сытой, покойной жизни, они не представляли, какую опасность несет Джуруха с его двадцатью туменами. Они считают, что зардар непобедим, его мудрость безгранична, а своими пастбищами они не хотят делиться ни с кем, даже с родичами. Поэтому большинство вождей кокборе сидели хмурые, нахоленные. Они не проявляли никакой инициативы, но гнева государя тоже опасались. Поднялся Баркоти, один из главных вождей кокборе. Он низко поклонился тебе, прижал руки к груди. Всё же изрядно тучен был, и это движение нелегко далось ему. Его мясистая бритая голова с косичками на висках блестела от пота и жира. Вкрадчивым, но хорошо слышным голосом он убеждал:

– Властитель, мудрейший из мудрых. Он обладает небесным знанием, кто сомневается в этом? Со времени появления Большого орла в наших землях кокборе служат его людям всеми силами, всем своим богатством. Наши леги в руках ваших генералов, наши дочери стали вашими женами, наш скот – пропитание для вас. Да, нас беспокоит положение наших родичей, борисаров. Мы хотели бы принять их в свои объятия, защитить их. Но они всегда жили вдоль границы с кургурами, все знают их вольный и независимый нрав. Услышат ли они нас, родичей? Пойдут ли нам навстречу? Кто знает? Мы можем потерять драгоценное время в этих бесплодных переговорах. Кроме того, они надеются договориться с Джурухой. Это им кажется более легким и надежным выбором, чем откочевка всем народом в чужие земли. Среди нас сидит почтенный Аюбай, их атай. Все борисары чтят и уважают его. Выслушаем же мнение Аюбая, ваше превосходительство.

– Хорошо, – сказал ты и повернулся в сторону Аюбая. Твой тесть сидел недалеко от трона, золотая пайцза сверкала на его груди. Только ты и еще несколько человек в этом зале знали, что на днях тысячный табун отборных коней был перегнан на зайляу Аюбая. Так хотела Гира, и ты не отказал ей.

Атай поднялся и сдержанно поклонился тебе, государю. Несколько секунд он выжидал, сопя, раздувая ноздри, косо поглядывая спесивым взглядом на Кабанбая. Минута была слишком значительна и судьбоносна, чтобы спешить со словами. И многие это чувствовали.

– Повелитель, опасность действительно есть. Джуруха умен и дьявольски хитер, на службе у него проныра Сай Чуй, а это кое-что значит. Это по его совету Джуруха объявлен каханом кургуров и утургуров. Значит, он получил поддержку Желтой империи. Вот почему он так уверен в своих действиях и идет напролом. И дальнобойные луки тоже не случайно появились у его во-

инов. С воцарением Джурухи кургуры воюют как никогда смело. И мы, борисары, это видим. Вот почему некоторые из наших поддались ему, но это продлится недолго. Скоро всё изменится для всех нас. Любой шаг нехорош для нас, мы это понимаем. Но прошлого не вернешь, будущее нависло над нами, как утес. Есть один выход из этого положения. Ваше превосходительство, мы должны объявить вас каханом людей Большого орла и кокборе. На курултай надо пригласить атаев борисаров. Уверен, они поддержат нас, и тогда вы будете объявлены каханом кокборе и борисаров, а это сразу меняет всё. Враги обязательно решат, что империя запада поддержала нас. А помощь империи запада многое меняет. Тогда и пойдем общими силами на Джуруху.

В зале стоял шум. Трудно было понять, кто о чем кричит. «Ай да Гира! – подумал ты и невольно покачал головой. – И откуда такой ум у женщины? Ведь никому из генералов и атаев эта мысль и в голову не приходила». Ты был взволнован. Кахан! Это статус цезаря и подступ к трону императора. К тебе будут обращаться: «Ваше величество!» Однако надо быть внимательнее и проследить, как восприняли генералы и вожди предложение Аюбая. Потом будет поздно. Боря и Кабанбай были поражены, они молча смотрели на тебя. Генерал Джутука был бледен, его взгляд бегал по сторонам. И это тебе не понравилось. Другие генералы кричали радостно: «Ура! Ура! Да здравствует кахан!» Вожди кокборе растерянно переглядывались, удивленные, они украдкой бросали быстрые взгляды на Аюбая. И ты читал их мысли: «Аюбай – тесть кахана? Его дочь – ханум? Почему не я, почему не моя дочь?»

И тогда ты сказал: «Славные мои генералы, мудрые вожди племен, далеко видящие аруги, и ты, о Аюбай, я выслушал всех. Приближается время, грозное и опасное для всех нас. Никогда еще время не бросало нам такой вызов. Однако к лицу ли нам бояться, опускать беспомощно руки, когда столько возможностей и выборов перед нами? Все эти двадцать лет прошли в упорной борьбе, мы верили в свое будущее и работали днем и ночью. В результате мы создали сильное государство, заставили соседей признать его. Мы построили огромную и красивую столицу, окруженную высокими стенами. Мы превратили в крепость первого круга всю эту котловину, закрыв стенами ущелья, превратив склоны кратера в обрывы. Мы открыли богатства котловины и заставили их служить народу. У нас есть подготовленная, хорошо вооруженная армия. Во главе армии стоят опытные военачальники. Им не привыкать воевать и совершать опасные походы. Джуруха, этот выскочка и смутьян, нас нисколько не пугает. Уверен – двести тысяч его конников – это просто толпа, при виде наших победоносных корпусов они сразу же пустятся в бегство. Если не побегут, тем хуже для них. Не забывайте, что мы – люди Большого орла, прибывшие из другого мира, всегда храним кое-что на крайний случай. То, о чем ни кургуры, ни Джуруха никогда не догадаются. Поэтому я спокоен, намерен завершить великий храм. Он нам всем нужен. Вы хотите кахана? Это ваша просьба, выражение необходимости, крайне важной для народа. Не я, так другой, – все равно кахан кокборе и борисаров должен появиться. И то, что каханом с вражеской стороны выступил Джуруха, – это только сигнал, говорящий, что время пришло. Обещаю вам, что буду для вас заботливым предводителем, пекущимся больше о нуждах страны. Приурочим курултай к открытию большой Сферы. Пока же нужно сделать следующее. Пусть самые опытные барлуги во главе с Тайбалой отправляются на разведку, а гонцы – к вождям борисаров с вестью о предстоящем курултае. Генерал Боря со своим корпусом должен выдвинуться и занять позиции между кургурами и борисарами. Корпус Кабанбая расположится рядом с хребтом, чтобы быть готовым

прийти на помощь первому корпусу. Приказываю приступать к выполнению этого плана. Начальник штаба, издайте указ!»

Одновременно были даны и другие указания: усилить охрану стен, особенно дальних, проверить запасы дров для сигнальных костров на всех боевых башнях, обить железными листами ворота въездов в котловину, удвоить вечерние караулы в городе, провести учет продовольствия на случай длительной обороны, строго проверять всех прибывающих, ввести пропускную систему, ускорить производство оружия.

Вечером, собираясь идти к младшей жене, ты вновь вспоминал свою речь на совете, обдумывая ее. Всё же ты был доволен собой. Ты объявил план, который устраивал большинство генералов. Джутука получил свое, Кабанбай тоже, Боря услышал, что гонцы поедут к борисарам, следовательно, его мнение учтено, больше всех может радоваться Аюбай, ведь его предложение принято, и он – тесть будущего кахана. Кроме того, тысячный табун отборных скакунов сделает свое дело. Зардар не сомневается: Аюбай первым двинется со своим народом к кратеру, а кокборе не осмелятся не пустить тестя властителя на свои земли. За ним пойдут и другие борисары. Вроде бы этот план устраивает всех. Ты знал, что Боря – самый умный и дальновидный из генералов и самый опасный для тебя. На границе в авантюру он не полезет, если бои начнутся – это будут только стычки. Таков Боря, на рожон не полезет с одним туменом. Если же попадет в окружение, этот бычок Кабанбай ринется ему на помощь. И тогда развернутся другие тумены кокборе. А вообще потеря корпусов Бори и Кабанбая не страшит зардара. Эти отчаянные головы должны первыми попасть в заварушку. Хорошо, что ты намекнул о некоем секрете, припасенном для Джурухи. Эти вояки – вожди кокборе таковы, что рано или поздно всё, что было сказано на совете, дойдет до Джурухи. Увы, это так. И тогда он задумается именно об этом подвохе. В людях Большого орла – чужаках он видит дьяволов, от которых можно всё ожидать, поэтому пусть сомневается. А его сомнения – время для зардара.

На ложе ты долго ласкал Гиру, шептал ей нежные слова. Гира довольно улыбалась. В резной шкатулке у ее изголовья лежали крупные рубины – твой подарок. Женщины любят драгоценные камни. Но самые дорогие лежали в заветном хранилище под дворцом, в подземелье. Она об этом не знает, как не ведает и о другом. Об этом знают только он сам и Апке. Засыпая на ложе жены, ты думал об одном: «Странно, почему боевой корабль империи облетел рудник? Что им нужно? И вообще, как отнесется император к тому, что его агент стал каханом?»

Продолжение в № 2, 2024.

